
В. Г. АНАНЬЕВ

**МУЗЕЕВЕДЕНИЕ В ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л. А. МАЦУЛЕВИЧА:
ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА УЧЕНОГО**

Имя выдающегося отечественного искусствоведа, специалиста по византийскому и древнерусскому искусству Леонида Антоновича Мацулевича в последнее время все чаще привлекает внимание ученых¹. Вместе с тем в литературе нашли отражение отнюдь не все стороны его многообразной научной и педагогической деятельности. Так, например, практически не изученной остается его преподавательская работа, хотя она занимала в научной биографии ученого весьма важное место. Еще в 1912 г. он начал преподавание на Высших женских архитектурных курсах Е. Ф. Багаевой, затем преподавал в гимназиях, был профессором Российского института истории искусств, а с 1939 по 1952 г. (с перерывом на время Великой Отечественной войны) вел занятия на историческом факультете Ленинградского государственного университета². 1 января 1939 г. Л. А. Мацулевичу было присвоено ученое звание профессора, а с 10 февраля 1949 г. по 1 сентября 1952 г. Ленинградский университет был местом его основной работы³. Ученый читал в университете лекции

¹ См., например: *Соленикова Е. В.* Л. А. Мацулевич: архив ученого // Мир русской византистики : материалы архивов Санкт-Петербурга / под ред. чл.-корр. РАН И. П. Медведева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. С. 436–457. Там же и библиография.

² Там же. С. 437–439.

³ СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 4. Л. 5.

и вел семинарские занятия на археологическом и искусствоведческом отделениях, а также на кафедре византиноведения. Важное место среди его курсов занимал курс музееведения, читавшийся им для студентов археологов и искусствоведов с 1945 по 1952 г.⁴

Музееведение не было случайной для Л. А. Мацулевича темой. Его музейная деятельность началась не многим позже преподавательской — в 1918–1919 гг. он был научным сотрудником Русского музея, а с 1919 по 1949 г. работал в Эрмитаже. Видным музейным деятелем был и его старший брат, Владимир, принимавший участие в проведении большой кустарной выставки в Санкт-Петербурге в 1908–1909 гг., а затем ставший одним из организаторов музеев Красной Армии в Петрограде и Москве⁵. В личном фонде ученого в СПФ АРАН сохранились подготовительные материалы к курсу музееведения, а также стенограммы нескольких лекций⁶. Их анализ позволяет не только выявить основные представления ученого о сущности, целях и задачах музееведения как науки, а следовательно, расширить наши представления о его научных взглядах, но и уточнить один из этапов развития отечественного музееведения.

Вероятно, впервые музееведение стало читаться Л. А. Мацулевичем студентам-археологам третьего курса в 1944/45 учебном году. Судя по его записям, тогда, после двух семестров занятий, из 10 человек, составлявших группу, четверо получили «хорошо», трое знали материал слабо, два человека — средне, а один никакой оценки не получил⁷. В 1947 г. курс читался уже студентам пятого курса в первом семестре учебного года, с 16 октября по 25 декабря. Он состоял из 11 лекций, консультации и зачета. Кроме аудиторных занятий в него были включены лекции в музеях (например, лекция по инвентаризации проводилась в Эрмитаже). Обязательным заданием, завершающим освоение курса, было составление тематического плана экспозиции по предполагаемой теме диплома и защита его на зачете⁸. В январе 1948 г. был составлен новый учебный план курса, пересмотренный на заседании кафедры в апреле 1949 г. Тогда по нему было принято решение: «Усилить краеведческую часть. Включить литературу по краеведению и краеведческим изданиям»⁹. В архивном фонде ученого сохранились автограф и машинопись этого плана, составленного 9 января 1948 г. и пересмотренного 24 ноября 1949 г.,

⁴ Там же. Д. 28. Л. 1–3 об.

⁵ См.: *Соленикова Е. В.* Л. А. Мацулевич: архив ученого. С. 437. О его деятельности в Эрмитаже см.: *Залесская В. Н.* Л. А. Мацулевич // *Византиноведение в Эрмитаже*. Л.: Гос. Эрмитаж, 1991. С. 74–78.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185.

⁷ Там же. Л. 119–119 об.

⁸ Там же. Л. 148–148а.

⁹ Там же. Л. 9, 118.

а также стенограммы двух лекций по теме «Экспозиция» от 14 и 21 ноября 1949 г.¹⁰

Чтение Л. А. Мацулевичем лекционных курсов имело свою специфику. Как он сам признавался студентам: «Я не обладаю красноречием, но меня с самых студенческих лет приучили, когда я начинал читать лекции: “никогда их не пиши” — нам не позволяли писать. Теперь говорят — пиши. Почему не позволяли писать? Потому что, говорят, если в аудитории 10 человек, то лекция уже будет иная, когда в аудитории 20 человек. Нас приучили делать это на фишках <...> И я всегда стараюсь говорить, хотя я говорю с ораторскими недостатками, но это только потому, что все мною учитываются здесь, в аудитории и я говорю с данной аудиторией. Может быть это и плохо, но я своим ученикам и теперь аспирантам, между прочим, говорю: вы мне раньше все напишите и принесите, да еще второй раз напишите, да третий раз, а когда будете выступать, то выступайте уже без этого письма, потому что в аудитории это будет получаться иначе. Чтение — это другое»¹¹. Несколько десятков таких «фишек», или карточек с основными (достаточно подробно расписанными) тезисами лекций, сохранилось в фонде ученого. Их сопоставление с программами курса и стенограммами двух лекций позволяет составить достаточно полное представление о содержании и специфике читавшегося Л. А. Мацулевичем курса.

Прежде всего ученый попытался ответить на вопрос, до сих пор остающийся одним из самых спорных в мировой музеологии: что представляет из себя музееведение как наука, каковы ее основные цели и задачи? Музееведение определялось им предельно широко как «знание или достижение знаний в области, охватываемой деятельностью музея»¹². Задача курса заключалась в том, чтобы «с одной стороны, подготовить студента к практической работе в музее; с другой стороны, расширить его кругозор, направив мысль на теоретические проблемы комплексной музейной науки и тем облегчить немусейному работнику пользование научными материалами музея»¹³. Здесь важно отметить не только понимание музееведения как прикладной науки, но и признание ученым значительного потенциала музейных предметов как исторических источников, зачастую остающихся вне поля зрения историков. В курс

¹⁰ Стенографирование лекций было одной из акций в рамках общего погрома гуманитарной науки в Ленинградском университете, связанного с так называемым «Ленинградским делом» и «борьбой против космополитов». Об этом см.: *Дружнин П. А. Идеология и филология* : Ленинград, 1940-е годы : док. исслед. : в 2 т. М. : Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 225–500.

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 87.

¹² Там же. Л. 150.

¹³ Там же. Л. 10.

включались не только лекционные, но и практические занятия. В итоге курса студент должен был быть «подготовлен к самостоятельному составлению тематического плана экспозиции на конкретном материале, с чертежами — план размещения оборудования (архитектурная композиция интерьера) и композиция одной витрины (стены, щита), избранной, как центральной, самим студентом»¹⁴. Так как курс читался на пятом году обучения, план разрабатывался студентом на материале его дипломной работы.

Помимо организованных занятий в музеях, Л. А. Мацулевич требовал от студентов и самостоятельных посещений, имевших также свою особую задачу. Обращаясь к студентам, он говорил: «...большинство из вас, живя постоянно в Ленинграде, не бывали во многих музеях. Но в музеи мы направлялись не просто так... а после общего инструктажа... с четко стоящими перед вами задачами. Все или большинство признавали, что под определенным углом мною направленные вы воспринимали музеи по-новому и вы обогащались не просто фактами... а вы понимали и поняли, что фактам придано в таких музеях широкое общественное значение... исподволь, таким образом, входили в практику и в методику музея». Итоги таких посещений обсуждались затем в аудитории: выделялись докладчики и содокладчики, а в обсуждении принимали участие и все остальные студенты. В итоге этот «критический осмотр» превращался «в обобщенный музейный опыт»¹⁵.

Основное внимание при таких посещениях музеев студенты должны были уделять построению их экспозиций, и это было неслучайным. По мнению Л. А. Мацулевича, экспозиция — «это вообще центральное место, центральная задача, центральный пункт работы музеев, специфика этих музеев»¹⁶. В этом сказался его многолетний опыт музейной работы и верное понимание специфики музейной коммуникации, или, как говорили в первой половине XX в., «музейного языка». Подчеркивая разницу между вербальным и предметным каналами передачи информации, он говорил: «Я все время перед вашими походами в музеи настаивал только на одном — не пользоваться экскурсоводами <...> Можно провести выдающуюся

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Лл. 19–20. Такой подход оказывается близким тому, что на рубеже 1970–80-х гг. был введен в практику одного из крупнейших центров современной музеологии — голландской Академии Рейнварта и получил там название «критической музеологии». Студенты должны были самостоятельно посещать музеи и формировать собственный критический взгляд на их деятельность. См.: *Лоренте П. Х.* Развитие музеологии как университетской дисциплины: от технической подготовки к критической музеологии // *Вопросы музеологии.* 2011. № 2 (4). С. 54, примеч. 28.

¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Лл. 20.

экскурсию по материалам музея, мало организованным, никак не обоснованным, собственно — на мертвом материале»¹⁷. В музее предметы сами должны говорить с посетителем, и в этом-то и состоит специфика языка экспозиции.

В качестве примера для студентов Л. А. Мацулевич напомнил, как студенты-этнографы, начинавшие слушать его курс вместе с археологами¹⁸, ходившие в Музей железнодорожного транспорта, обратили внимание на то, что там много места «занято экспозицией шпал и стыков рельсов, и единственной надписью, сопровождавшей экспозицию, повторяющейся несколько раз, была: “руками не трогать”. Это, конечно, совершенно мертвая экспозиция, мертвый материал: шпалы, шпалы, шпалы, стыки, стыки, стыки ...! ... В отношении шпал и стыков рельсов экскурсовод может рассказать вам историю укладки путей, стыков рельсов, может рассказать вам интересные данные и рассказать столько интересного, что вы не заметите, что на самом деле этот музей мертв. С точки же зрения советского музея необходимо объяснение, иначе это не экспозиция, а мертвый материал <...> О доходчивости экспозиции, о возможности восприятия ее мы судим из обеспечения ее восприятия группой, одиночками, но не лекции»¹⁹.

Итак, экспозиция должна быть понятна без дополнительного, словесного сопровождения. Что же она должна собой представлять? В чем должна заключаться специфика музейного показа? Прежде всего это показ процессов. «Признак музейного показа, показа советского музея» — это не показ множества отдельных вещей, не показ редкостей, а «показ исторического развития посредством научных группировок, сопоставлений, противопоставлений вещественных памятников» (в этом его отличие от дореволюционных и буржуазных примеров)²⁰.

Для археологов, например, будет важным «последовательный показ общественно-исторического процесса в динамике памятников материальной культуры и идеологии, — опять-таки не показ вещей, а показ именно общественно-исторического процесса, динамика памятников материальной

¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 20.

¹⁸ Это было связано с тем, что ранее находившаяся на восточном факультете кафедра этнографии в мае 1949 г. была переведена на исторический факультет и объединена с кафедрой археологии. Встал вопрос формирования соответствующего учебного плана. См.: *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете : историографические очерки. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2003. С. 194. В итоге комиссия во главе с проф. А. Н. Бернштамом решила освободить студентов-этнографов (10 человек) от некоторых общих с археологами занятий и передать это время на «самые пожарные нужды». В число сокращенных курсов попало и музееведение. См.: СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 18.

¹⁹ Там же. Л. 21.

²⁰ Там же. Л. 25.

культуры и идеологии»²¹. Несколько сгущая краски, но в целом достаточно точно отмечая научный уровень подготовки отдельных экспозиций некоторых дореволюционных музеев, Л. А. Мацулевич в качестве своеобразных антипримеров приводил экспозиции музея в Херсонесе и Оружейной палаты.

Первый полностью строится на материалах раскопок, но как эти материалы организуются: «Раскопки. Открыто несколько десятков склепов. В этом склепе, как мы всегда знаем, комплекс вещей, находящихся у покойного. Все эти вещи тасуются, как в картах, по особому признаку: все пряжки на одной таблице, все фибулы на второй таблице, все горшки — на третьей. Где, что, как — все было обезличено»²². Существующие изначально комплексы уничтожаются и присущее им контекстное знание исчезает.

В случае с Оружейной палатой ситуация была прямо противоположной, здесь предметы, наоборот, объединялись в комплексы, но не на основах научности, а по принципу декоративности: «...вы входили и видели: двуглавый государственный герб сделан из этого оружия. Какие-то сабли — они совершенно закрыты, их нет, не видно, из сабель видны только концы, которые представляют когти этого орла. Что-то закрыто красным сукном. Получалась такая картина: звезды и все, что хотите, выделялось из такого материала». Это не научный метод²³. В настоящем музее речь идет о «последовательном показе общественно-исторического процесса, именно в динамике памятников материальной культуры и идеологии». Что это значит? «Памятники изменяются, памятники прогрессируют, потому что растут производительные силы, и вот идет показ этого». Можно показать не только производительные силы, но и производственные отношения, однако только косвенным путем. Пример — бывшая в Эрмитаже выставка миотского сарматского общества в Прикубанье в последние века до н. э.²⁴

Естественно, такой подход не предполагает унификации всех экспозиций всех музеев. Экспозиция зависит и от типа музея: крупный ли он, республиканский, или же краеведческий. В крупном музее дается «показ большого плана, а не каких-нибудь отдельных специальных частных, что вот в каком-то районе растет только осинник <...> Из-за того, что “растет осинник”, может быть не показан орех, а тут и осинник и орех должны быть подведены под общую идею. В другом же музее, в музее

²¹ Там же.

²² Там же. О музее см. также: *Разгон А. М.* Археологические музеи в России (1861–1917 гг.) // *Очерки истории музейного дела в России.* М.: Сов. Россия, 1961. Вып. 3. С. 213.

²³ СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 26.

²⁴ Там же.

мелком, дробном это, конечно, должно быть выделено со всеми деталями, должна быть показана роль именно этого района. Непосредственного переноса не может здесь быть»²⁵. Краеведческие музеи вообще оказываются чрезвычайно важными при изучении курса музееведения, так как именно они больше всего нуждаются в той помощи, которую могут оказать студенты после завершения обучения. Кроме того, это был один из центральных вопросов всей советской музейной политики, поэтому очень подробно на лекциях разбирались основные нормативные документы в этой области: «Положение об областном, краевом, республиканском краеведческом музее» и «Основные положения о построении экспозиции областных, краевых, республиканских (АССР) и крупных районных краеведческих музеев», принятые после совещания в отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в 1949 г.²⁶

Детальный пересказ партийных документов, зафиксированный стенограммой, конечно, не мог содержать каких-либо оригинальных суждений лектора. Значительно интереснее в этом отношении оказывался следующий раздел лекции, в котором Л. А. Мацулевич высказывал собственные суждения относительно специфики построения экспозиции. Он начинал с почти обязательных в конце 1940-х гг. утверждений о неразрывности формы и содержания и предостерегал своих слушателей от искусов формализма, ставя перед ними вопрос: «Как ощутить заблаговременно, в самом начале, в самых корнях формалистичность готовящейся выставки?»²⁷ Лексика, соответствующая очередному этапу идеологической кампании, в данном случае не должна скрывать от нас самой сути поставленной ученым проблемы, которая сохраняет свое значение и в современной музейной практике: «...так оформить показ, придать ему такую внешность, чтобы идейное содержание по ней раскрывалось перед зрителем, именно по ней, чтобы выставка была доходчивой, в полной мере доступной при осмотре одиночками, чтобы она привлекала, чтобы она заинтересовывала и давала удовлетворение, чтобы она не вульгаризовала, не схематизировала...»²⁸

На конкретном примере объясняя рассматриваемую проблему, Л. А. Мацулевич вспоминал такой эпизод из своей работы в Эрмитаже: «Одно

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 28.

²⁶ Там же. Л. 30 и далее.

²⁷ Там же. Л. 78. «Формализм» был одним из жупелов развернутой в конце 1940-х гг. идеологической кампании. В «формализме» обвинялись (среди прочего) уволенные весной 1949 г. из Ленинградского университета профессора М. К. Азадовский, Г. А. Гуковский, Б. М. Эйхенбаум. См.: *Дружинин П. А. Идеология и филология ...* Т. 2.

²⁸ СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 78.

время считалось, что работник музея не может оформлять выставку, что ее нужно оформлять художнику. Помню, в длинный зал, как коридор, пришла группа художников. Им начинают говорить.

— Да нет, говорят, это неважно.

Не спрашивают даже, какая выставка. Мы говорим, что здесь не будет красочных картин, здесь будут материалы археологические.

— Нет, это мы сделаем по системе кулис. Здесь сколько шагов? 12–18 метров. Ну, да. 18 метров. Мы разбиваем на пять участков. Вот здесь будет спущено. У вас нет ничего такого красочного, чтобы можно было на проволоке спустить, чтобы это было незаметно?

— Нам это не нужно.

— Нет, мы очень опытные. Мы устраивали декорации улиц, это же совершенно то же самое, вот так перекинем...»²⁹

В чем была несостоятельность такого подхода? В том, что «тут не ставится вопрос об искании способа выражения вашего содержания выставки, а вот есть какое-то помещение и давай его оформлять по своему...»³⁰. В этом примере очень точно зафиксирован тот этап в истории отечественного музейного дела конца 1920-х – начала 1930-х гг., когда одной из насущных проблем была объявлена борьба с «фетишизмом музейных вещей», а задачу «перевода экспозиции из стадии статики в стадию динамики» предлагалось решать за счет использования принципов театрализации, научно-вспомогательных материалов и т. п. Как справедливо отмечала А. Б. Закс: «Отвлекая таким образом музейного зрителя от рассмотрения памятников эпохи, переключая его внимание на сюжет, инсценировки стирали разницу между музейной экспозицией и театральной постановкой»³¹. Во многом это было доведением до абсурда внедрявшегося в музейную практику со второй половины 1920-х гг. социологического метода³². Л. А. Мацулевич, всю жизнь занимавшийся памятниками материальной культуры, прекрасно понимал бесперспективность такого подхода.

В случае с музейной экспозицией такая театрализация, или «формализм», казались ему совершенно невозможными, и не только потому, что экспозиция должна являться выражением четко определенного, научно

²⁹ Там же. Л. 79.

³⁰ Там же.

³¹ Закс А. Б. Из истории экспозиционной мысли советских музеев (1917–1936) // Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. М., 1970. Вып. 22. С. 148.

³² О нем см.: Ананьев В. Г. О некоторых проектах применения социологического подхода в музейном деле советской России 1920-х гг. // Вестник РГГУ. 2011. № 17 (79). С. 275–283. (Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология»).

организованного содержания. Пониманием этого ученый был обязан профильным дисциплинам — археологии и искусствоведению, которыми занимался на протяжении всей жизни. Другой специфической характеристикой музейной экспозиции, в понимании значения которой состоит особая заслуга Л. А. Мацулевича не археолога или историка искусства, а именно музееведа, оказывающегося в этом особенно созвучным нашему времени, является необходимость учитывать при ее создании будущего наблюдателя, т. е. самого музейного посетителя. Ученый говорит об этом предельно прямо: «С самого начала в архитектурный образ экспозиции входит посетитель, — без посетителя вы не можете построить экспозицию, иначе она никогда не выразит содержания <...> Образ экспозиции, архитектурная планировка, архитектурный пространственный образ включает и человека, живого человека, студента, школьника и т. д. Строитель экспозиции должен это предусмотреть и должен это знать»³³.

При рассмотрении данной проблемы Л. А. Мацулевич выступал как продолжатель лучших традиций отечественного музееведения 1920-х гг., развитие которых было трагически прервано в эпоху укрепления тоталитарного государства. Уже тогда задача выработки особого языка экспозиции, «гибко укладывающегося в сознании масс»³⁴, осмыслялась многими музейными работниками как одна из основных в области музейного строительства. Среди сторонников такого подхода в первую очередь следует назвать имя выдающегося отечественного византиниста, теоретика искусства и музееведа Федора Ивановича Шмита, еще в 1929 г. писавшего о необходимости соотносить организацию музейной экспозиции с психологическими особенностями человеческого восприятия³⁵. Л. А. Мацулевич, безусловно, знал эти идеи Ф. И. Шмита, первая часть его курса, посвященная истории музейного дела³⁶, во многом основывается на соответствующем разделе книги «Музейное дело. Вопросы экспозиции», выпущенной Ф. И. Шмитом в 1929 г. и на долгие годы оставшейся единственной опубликованной на русском языке историей

³³ СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 87.

³⁴ Об этом см., например, обсуждение доклада В. Ф. Белявской «Вопросы учета восприятия музейного посетителя», состоявшееся на заседании Музейной секции Социологического комитета Государственного института истории искусств 20 апреля 1926 г. (Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 122–123 об.); *Ананьев В. Г.* Изучение музейной аудитории в 1920-е гг. (по архивным материалам) // *Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории.* М. : ИВИ РАН, 2012. Вып. 41. С. 367–373.

³⁵ См. об этом: *Шмит Ф. И.* Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л. : Academia, 1929.

³⁶ См.: СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 10–11. Ср.: *Шмит Ф. И.* Музейное дело ... С. 17–51.

музейного дела. Более того, эту книгу Л. А. Мацулевич включил и в число рекомендованной к чтению по курсу литературы³⁷, что кажется особенно знаменательным, если вспомнить, что расстрелянный в 1937 г. Ф. И. Шмит был посмертно реабилитирован лишь в 1956 г.³⁸

Как видим, материалы, связанные с преподаванием Л. А. Мацулевичем музееведения на историческом факультете Ленинградского университета в конце 1940-х – начале 1950-х гг., показывают, что, совмещая профильный (археологический) и собственно музееведческий подходы, ученый в своих взглядах не только учитывал специфику объектов материальной культуры, с которыми приходилось работать музейному сотруднику, но и осознавал их особое положение в такой сложной системе, какой является музейная экспозиция, всегда имеющая дополнительное, «антропологическое» измерение, связанное с музейными посетителями. В этом он выступал продолжателем лучших традиций отечественного музееведения 1920-х гг., во многом предугадавших «поворот к человеку», который станет характерной чертой мировой музеологии лишь в 1970-е гг. Плодотворность предлагавшегося Л. А. Мацулевичем подхода и его талант преподавателя видны хотя бы из того, что в записке «О подготовке научных кадров Л. А. Мацулевичем», составленной его вдовой, Ж. А. Мацулевич, значительное место занимает список именно тех бывших студентов ученого, которые впоследствии занялись музейной работой³⁹.

Данное исследование не претендует на какое-то, пусть даже промежуточное, подведение итогов заявленной темы. Необходима дальнейшая ее разработка в направлении изучения того, как теоретические взгляды ученого находили отражение в его практической работе в Эрмитаже, как они соотносились с общей традицией преподавания музееведения в высших учебных заведениях России, но, представляется, что и тот материал, который был приведен в статье, все же может несколько расширить наше представление о научных взглядах Л. А. Мацулевича и помочь приблизиться к пониманию того, какое место в научных взглядах и научной биографии выдающегося отечественного византиниста занимала наука о музеях.

SUMMARY

In the article I analyze materials attributed with the teaching of L. A. Matsulevich museum studies in the Leningrad State University. Relying on preparatory materials to the course and shorthand records of the few lectures, scientist's views on the specificity of the museum activity, peculiarity of

³⁷ СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 15.

³⁸ Чистотина С. Федор Иванович Шмит. М. : Дело, 1994. С. 107.

³⁹ СПФ АРАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 28. Л. 1, 3.

the organization and functioning of museum exhibition are established. We see the relationships between the scientist's views and traditions of the Russian museology of the 1920th, which devised the problems of the special «museum language», museum exhibition as a form of a special nonverbal communication and paid a special attention to the museum visitor in the exposition sphere.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Л. А. Мацулевич, музееведение, археология, экспозиция.

KEY WORDS

L. A. Matsulevich, museum studies, archeology, exhibition.